Пространственно-правовая матрица современной России

ЧЕРНОГОР Николай Николаевич, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор РАН

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: chernogor72@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Александр Сергеевич, главный научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: adm1@izak.ru

Современное российское общество входит в период трансформации, которая будет протекать на фоне крупномасштабных кризисных явлений глобального характера. В этой ситуации научный интерес представляет пространственно-правовое устройство как Российской Федерации, так и мира в целом. Он обусловлен тем, что именно проблематика действия права в пространстве представляет особую актуальность в контексте взаимодействия внутринациональных и внешних кризисных явлений. Авторами предпринята попытка установить зависимости, существующие в этой сфере, а также определить перспективы развития нормативной и институциональной основы формирования правового пространства.

Методы исследования: общенаучные и частнонаучные методы, такие как диалектический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция, системный подход, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

В ходе исследования раскрываются понятие пространственно-правового устройства, нормативная и институциональная основы формирования правового пространства, что способствует содержательному анализу названных явлений, а также предпринятой попытке прогнозирования их развития. Рассматривается процесс влияния зарубежных правовых доктрин на пространственно-правовое устройство современной России.

Авторами представлено собственное видение трансформации пространственно-правового устройства современной России, затрагивающей в первую очередь институциональную основу формирования евразийского правового пространства. Современная отечественная модель пространственно-правового устройства основывается на том, что действие национального правопорядка ограничивается в первую очередь государственной границей. Еще более строгое следование данному принципу имеет место на субнациональном уровне, где административные границы субъектов Федерации и муниципальных образований практически непроницаемы. По мнению авторов, необходимым условием противодействия возможным центробежным тенденциям российской государственности является формирование новых институций, отвечающих общим принципам функционирования российского правопорядка, но имеющих трансграничную (экстерриториальную) природу.

Ключевые слова: пространственно-правовое устройство, правовое пространство, действие права в пространстве, государственная граница, административная граница, действие права по кругу лиц, правовая система, правопорядок, административно-территориальное деление, специальные территориальные правовые режимы.

Для цитирования: Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 5—22. DOI: 10.12737/jrl.2020.051

Spatial and Legal Matrix of Modern Russia

N. N. CHERNOGOR, A. S. EMEL'YANOV

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow 107078, Russian Federation

E-mail: chernogor72@yandex.ru; adm1@izak.ru

Modern Russian society is entering a period of transformation that might take place against the backdrop of large-scale global crisis phenomena. In this situation, the spatial and legal structure of both the Russian Federation and the world as a whole is of scientific interest. It is due to the fact that the problem of the operation of law in space is particularly relevant in the context of interaction between internal and external crisis phenomena. The authors attempt to establish the dependencies that exist in this area, as well as to determine the prospects for the development of the regulatory and institutional framework for the formation of the legal space.

The research is based on the works of domestic and foreign researchers in the field of theory and history of state and law, philosophy of law, international and constitutional law. The methodological basis of the research is based on general scientific and private scientific methods, such as dialectical method, analysis and synthesis, deduction and induction, system approach, comparative legal and historical legal methods.

In the course of the research the concept of spatial and legal structure, normative and institutional foundations of the legal space formation are revealed. It contributes to a meaningful analysis of these phenomena, as well as an attempt to predict their development. The process of influence of foreign legal doctrines on the spatial and legal structure of modern Russia is considered.

The authors present their own vision of the transformation of the spatial and legal structure of modern Russia, which primarily affects the institutional basis for the formation of the Eurasian legal space. The modern domestic model of spatial legal structure is based on the fact that the national legal order is limited primarily by the state border. Here is even more strict adherence to this principle at the subnational level, where the administrative borders of the constituent entities and municipalities are practically impenetrable. According to the author, a necessary condition for countering possible centrifugal tendencies of the Russian state is the formation of new institutions that meet the General principles of functioning of the Russian legal order, but have a cross-border (extraterritorial) nature.

Keywords: spatial and legal structure, legal space, the effect of law in space, state border, administrative border, the effect of law in the circle of persons, legal system, law and order, administrative and territorial division, special territorial legal regimes.

For citation: Chernogor N. N., Emelyanov A. S. Spatial and Legal Matrix of Modern Russia. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 5—22. DOI: 10.12737/jrl.2020.051 (In Russ.)

*Extra territorium ius dicenti impune non paretur*¹

Paulus

В настоящее время российское общество переживает глубокую трансформацию, которая протекает на фоне крупномасштабных изменений, происходящих во всем мире. Они обусловлены взаимосвязанными тенденциями: глобальным кризисом капиталистической системы и кризисом «второй глобализации»². Их преодоление с большой

степенью вероятности будет осуществлено через ущемление интересов суверенных национальных государств в пользу неких региональных структур (регионализацию).

Справедливой представляется позиция отечественных исследователей, выделяющих следую-

¹ Вне территории действующего права можно ему не подчиняться безнаказанно.

² «Первая глобализация» была обусловлена научно-технической революцией

XIX в. и окончанием Эпохи великих географических открытий. Она характеризовалась доминированием Британской империи. Ее завершением можно считать Долгую депрессию 1870-х гг., непосредственным последствием которой стала Первая мировая война.

щие проблемы, стоящие перед мировым сообществом: 1) изменение роли и функций национальных государств; 2) соотношение локального и глобального; 3) трансформация основных социальных ценностей³. Как в России, так и на территории всей исторической Евразии, где именно государство образовывало институциональную основу правового пространства, в рамках новой картины мира, создающейся на наших глазах, пространственные аспекты действия правовых систем и функционирования правопорядков вызывают особый интерес.

В настоящее время не до конца осмысленными доктриной остаются как феномен правового пространства, так и пространственно-правовое устройство современного мира. При этом справедливо указание на то, что пространственно-правовые аспекты формирования и действия правовых систем и функционирования правопорядков сравнительно недавно стали объектом внимания представителей общей теории права. До этого только представители науки международного права обращались в своих исследованиях к проблематике государственной территории, морского, воздушного и космического пространств⁴. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ одним из первых на научном уровне ответил на вызовы, связанные с актуализацией пространственно-правовой проблематики, издав в 2012 г. монографию «Правовое пространство и человек»⁵. Однако за прошед-

шие годы данная тематика не только не утратила своей актуальности, она стала еще более злободневной. В ее рамках стали очевидны острые вопросы, нуждающиеся во всестороннем осмыслении на общетеоретическом уровне. Главный из них: станет ли формирующееся правовое пространство той средой, которая обеспечит единство Российской Федерации и других суверенных государств, максимальную возможную интеграцию их населения или, напротив, породит условия, способствующие центробежным экономическим и политическим процессам, установлению неких трансграничных правовых агломераций?

Пространственная компонента действия права неслучайно становится все более актуальной. Именно она в первую очередь отражает взаимодействие человека с окружающей средой, географическим пространством, позволяет установить наиболее значимые пределы реализации интересов как отдельных людей и их групп, так и государств и их союзов.

Вместе с тем к настоящему времени понятие правового пространства не может считаться устоявшимся, а механизмы его установления разработанными. Практически каждый исследователь, обращаясь к данной проблематике, раскрывает его с различных сторон, стремится подвести под него собственное видение общественного развития, делая акцент на нормативной, ценностной либо институциональной основе. По нашему мнению, характеризуя правовое пространство, необходимо акцентировать внимание на том, что данное понятие позволяет установить связь между конкретным правопорядком и географическим пространством, учитывая при этом некоторые демографические особенности, специфику хозяйственного уклада, общие принципы социального взаимодействия, характерные для определенной социокультурной общности. В приведенной ха-

³ См.: Спиридонова В. И. Глобализация и национальное государство // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 5.

⁴ См.: Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4—17.

⁵ См.: Власова Н. В., Грачева С. А., Мещерякова М. А. Правовое пространство и человек. М., 2012.

рактистике не учтены особенности функционирования права в информационном мире в силу того, что в настоящее время пока невозможно установить действительно устойчивые закономерности, раскрывающие сущность данной стороны бытия правопорядка.

Одним из способов рассмотрения правового пространства выступает характеристика *пространственно-правового устройства*, т. е. состояния упорядоченности правового воздействия на общественные отношения в пределах отдельных территорий, акваторий, участков недр, воздушного и космического пространства, в отношении искусственных водных (морских), воздушных и космических объектов. Основаниями пространственно-правового устройства до XVII в. (приблизительно) выступало право собственности на землю, а в настоящее время — государственный суверенитет.

Подчеркнем, что пространственно-правовое устройство не должно рассматриваться как некая новая правовая сущность. Данное понятие вводится для более точной характеристики правовых систем и правопорядков в части их действия в пространстве, поскольку существующий понятийно-категориальный аппарат не отражает современных тенденций трансформации правовой реальности.

Для тех юристов, чье профессиональное становление происходило в прошлом веке, естественной представляется моноукладная институциональная основа правопорядка, предполагающая рассмотрение исключительно государства в качестве такой основы. Как будет продемонстрировано ниже, в наши дни происходит зарождение новой модели — полиукладной, предполагающей разноразмерность регулирования. Именно для ее отражения необходим новый понятийно-категориальный аппарат, включающий в том числе понятие пространственно-правового устройства.

Пространственно-правовое устройство конкретного государства — это основанное на государственном суверенитете состояние упорядоченности правового воздействия на общественные отношения в пределах территории, недр, воздушного пространства, установленных государственной границей, а также на прилегающих акваториях, искусственных водных (морских), воздушных и космических объектах. Пространственно-правовое устройство раскрывается через свою модель (форму), т. е. способ территориальной организации конкретного правопорядка. В современных условиях наряду с пространственно-правовым устройством конкретного государства (национальный уровень) также справедливо выделять международный, наднациональный, транснациональный, субнациональный и локальный уровни. Отметим, что развитие трансграничного информационного обмена, основанного на цифровых технологиях, вовлечение за счет этого в трансграничный коммерческий оборот все большего числа участников обусловили зарождение новых институций, опосредующих пространственно-правовое устройство современного мира. Не исключено, что в ближайшее время такие институции утратят традиционные формы, перейдя исключительно в «мир цифры».

Модели пространственно-правового устройства могут быть охарактеризованы как: 1) универсальные, предполагающие охват всех сфер общественной жизни на определенной территории (например, любой национальный правопорядок); 2) специально-целевые, предполагающие охват всех сфер общественной жизни на определенной территории для достижения конкретной цели (например, правопорядок, обусловленный участием в войне); 3) специально-отраслевые, предполагающие охват отдельных сфер общественной жизни на опре-

деленной территории в рамках отдельного направления (например, правопорядок, установленный в рамках реализации договора о судоходстве по Рейну); 4) специально-функциональные, предполагающие охват отдельных сфер общественной жизни на определенной территории с конкретными целями взаимодействия, не ограниченные во времени или ограниченные во времени определенным сроком (например, правопорядки наднациональных интеграционных объединений); и др.

Правовое пространство суверенного государства, которое в настоящее время остается наиболее универсальной формой организации социального взаимодействия, определяется в первую очередь его государственной границей, пределами территориальных вод, континентального шельфа и исключительной экономической зоны, а также отдельными территориями (акваториями), находящимися в его ведении в силу международных договоров. Примером последнего может служить Шпицберген, в 1925 г. объявленный частью Королевства Норвегия, но в силу Парижского трактата от 9 февраля 1920 г., существенно ограничившего суверенитет Норвегии в этом пространстве, на него может распространяться правопорядок и других стран. Например, норвежским парламентом в резолюции от 15 февраля 1947 г. признаны права СССР в этом регионе. Отметим, что до 1995 г. российская доля населения островов архипелага даже превышала норвежскую.

Отдельного упоминания заслуживают воды открытого моря, Антарктида и космическое пространство. Формально они не подпадают под действие национальных правовых систем, находясь в сфере международно-правового регулирования, однако и здесь требуется установление условий применения национальных правопорядков, а также роли и места конкретного государства в транснациональном и наднацио-

нальном правовом сотрудничестве. Цифровизация общественных отношений, возможно, также потребует выделения нового пространственно-правового аспекта — информационного пространства (кибер-, виртуального пространства). Однако в настоящее время существование информационного пространства не более чем гипотеза, в силу того что не появился общепризнанный универсальный критерий определения пределов действия конкретных правопорядков в этой сфере. Более того, она «пытается» порождать собственные квазиправопорядки.

Рассмотрение механизма формирования правового пространства требует выделения двух аспектов: нормативного и институционального.

Первый складывается из общих норм и принципов международного права, условий конкретных международных договоров, конституционных положений, содержания законодательства и подзаконных нормативных правовых актов.

Применительно к России необходимо учитывать, что отдельные акты международного права, Конституция РФ, конституции и уставы субъектов Федерации, уставы муниципальных образований имеют прямое действие, непосредственно образуя нормативную основу правового пространства Российской Федерации. Так, в ст. 4 Конституции РФ устанавливается, что суверенитет России распространяется на всю ее территорию, Конституция и федеральные законы имеют на ней верховенство, гарантируются территориальная целостность и неприкосновенность.

В рамках нормативной основы установления правового пространства Российской Федерации необходимо также акцентировать внимание на иерархии законов и иных нормативных правовых актов, распределив их по юридической силе, разграничив законы федерального уровня и законы субъектов РФ, среди первых выделив федераль-

ные конституционные законы и федеральные законы и указав, что последние по содержанию могут быть рамочными, кодифицированными и специальными.

О территориальной неделимости заявляется в ст. 1 Конституции Французской Республики 1958 г. В Основном законе ФРГ 1949 г. вопросы правового пространства находят отражение уже в преамбуле, в которой перечисляются образующие Федеративную республику земли. Особняком стоит Конституция США, которая не содержит прямых указаний на пространство своего действия. Более того, из отдельных ее положений следует экстерриториальность американского правопорядка. Так, в тринадцатой поправке 1865 г. указывается, что «...в Соединенных штатах или в каком-либо ином месте, подчиненном их юрисдикции (курсив авт.), не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение...»⁶. Также следует подчеркнуть, что в соответствии с разд. 3 ст. 4 Конституции США с одобрения Конгресса допускается появление новых штатов, а также существование территорий, не входящих в какой-либо штат, а принадлежащих Соединенным Штатам. При этом гарантируется территориальная целостность каждого из штатов, присоединившегося к Союзу.

Именно нормативная основа правового пространства до последнего времени была предметом пристального внимания со стороны научного сообщества. Однако не меньший, а в контексте заявленной темы, пожалуй, и больший интерес имеет институциональная основа, отражающая взаимодействие различных институций в процессе установления правового пространства. В связи с этим наибольший интерес представляют (1) принцип разделе-

ния властей, лежащий в основе современной государственности большинства стран мира, (2) федеративное устройство отдельных из них, (3) выделение местного самоуправления в качестве самостоятельного уровня публичной власти (формы организации взаимодействия граждан на местах), что, например, вытекает из Европейской хартии местного самоуправления 1985 г.

В Российской Федерации результатом действия указанных факторов стало то, что ее правовое пространство имеет строго иерархичную структуру, включающую три уровня: 1) федеральный — в пределах государственной границы, с учетом территориальных вод, континентального шельфа и исключительной экономической зоны, а также прав Российской Федерации в открытом море⁷, Антарктиде⁸ и космическом пространстве⁹; 2) региональный — в пределах границ субъектов РФ; 3) местный — в пределах границ муниципальных образований.

Существующие специальные пространственно-правовые конструкты, будь то федеральные округа, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития и т. п.¹⁰, находятся

⁷ См., например, Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

⁸ См., например, Договор об Антарктике 1959 г.

⁹ См., например, Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.

¹⁰ Согласно новой редакции ч. 1 ст. 67 Конституции РФ на территории России в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается федеральным законом (см. ст. 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публич-

⁶ URL: <https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution-Russian.pdf/> (дата обращения: 16.12.2019).

строго в рамках указанных границ, охватывая несколько субъектов РФ или муниципальных образований либо устанавливая специальные правовые режимы в пределах границ отдельных из них. Единственным исключением из этого правила могут считаться традиционные кочевья и охотничьи угодья коренных народов Севера, которые до последнего времени даже могли выходить за пределы государственной границы Российской Федерации. Однако они не имеют формализованной нормативной основы, будучи результатом действия неких обычаев.

Несмотря на строгую иерархичность, заложенную в механизм установления правового пространства Российской Федерации, в последние годы все шире становится практика предоставления отдельным территориям *специальных правовых режимов* — особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, зоны территориального развития, закрытые административно-территориальные образования и т. п., обуславливающих, как правило, некие налоговые и административные преференции или, напротив, ужесточающих отдельные административные режимы.

Особая экономическая зона (ОЭЗ) — это, пожалуй, самый распространённый в настоящее время специальный режим функционирования отдельной территории в части осуществления предпринима-

тельской деятельности ее резидентами. В наши дни функционируют 25 ОЭЗ, разделённых в зависимости от своего целевого назначения на четыре типа: 1) промышленно-производственные; 2) технико-внедренческие; 3) туристическо-рекреационные; 4) портовые. Первые из них появились ещё в прошлом веке. Однако подлинная правовая база их функционирования была заложена только в 2005 г. с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

Особые экономические зоны представляют собой определённые Правительством РФ отдельные территории, на которых действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны. В целях реализации соглашений о создании ОЭЗ образуются управляющие компании. В качестве таковых могут выступать либо акционерные общества, единственным акционером которых выступает Российская Федерация, либо иные хозяйственные общества, если их участником выступает указанное акционерное общество или между ним и уполномоченным Правительством РФ органом исполнительной власти заключено соглашение об управлении ОЭЗ. Действующее законодательство допускает объединение особых экономических зон в один кластер, если они находятся под управлением одной управляющей компании.

В отличие от Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» принятие и вступление в силу Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в целом прошло незаметно для научного сообщества.

ной власти», принятого Государственной Думой и одобренного Советом Федерации 11 марта 2020 г. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>. Данная конституционная новелла ещё не вступила в силу. Федерального закона о создании федеральных территорий пока тоже не существует. Юридической доктрине ещё предстоит осмыслить роль и место этих территорий в пространственно-правовом устройстве Российской Федерации, а также найти необходимые правовые формулы для их институционализации в правовом пространстве России).

Данное обстоятельство не вызывает особого удивления, поскольку указанный Закон стал «очередным» законодательным актом, устанавливающим специальный правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на определенной территории. Законодатель в данном случае отказался от конструкции управления такой территорией через коммерческую организацию — управляющую компанию, указав в качестве исполнительной инстанции администрацию. Особенность данной организационно-правовой формы состоит в том, что содержательно она предполагает реализацию проектов экономического развития, что не закладывалось в конструкцию особой экономической зоны.

В рассматриваемом ряду особняком стоят закрытые административно-территориальные образования (ЗАО). Если иные территории со специальным правовым режимом обособливаются для облегчения осуществления предпринимательской деятельности их резидентами, то целью создания ЗАО является обеспечение безопасного функционирования находящихся на их территориях организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и иных представляющих повышенную опасность технологического характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан.

Правовой статус ЗАО определяется Законом РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании». В настоящее время образовано и функционирует 40 таких образований в 22 субъектах РФ. В соответ-

ствии с п. 1 ст. 80 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» все ЗАО являются городскими округами.

Резиденты ЗАО также могут осуществлять предпринимательскую деятельность в упрощенном порядке в том случае, когда соответствующая территория была включена в территорию опережающего социально-экономического развития. Указанный специальный правовой режим был установлен последним из аналогичных «пространственно-правовых аномалий». Ему посвящен Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Данная организационно-правовая форма сочетает, с одной стороны, проектный характер, установленный для зон территориального развития, а с другой — реализацию управленческих функций управляющими компаниями, как в особых экономических зонах.

Порядок создания всех «пространственно-правовых аномалий», кроме закрытых административно-правовых образований, имеет диспозитивный характер, предполагая заключение специального соглашения. Общей у них является и основная цель — упрощение порядка осуществления предпринимательской деятельности резидентами. Также следует отметить срочный характер их функционирования: от 12 лет — зоны территориального развития, до 49 лет — особые экономические зоны.

Такие «пространственно-правовые аномалии» характерны для большинства стран мира. Они называются свободными экономическими зонами в Беларуси, Литве и Латвии; специальными экономическими зонами — в Польше, Казахстане и Украине; свободными зонами — в Сербии и Северной Македонии; зонами свободной торговли —

в странах Северной Америки; промышленными зонами — в Чехии и Словакии; офшорами (BVI), экономическими или предпринимательскими зонами — в странах Западной Европы¹¹. Самой известной свободной экономической зоной в Российской империи была Одесса, в отношении которой в 1817 г. высочайшим указом был установлен режим порто-франко (беспошлинной торговли). Фактически он начал действовать только с 1819 г. после устройства таможенных постов на границах города и с перерывами просуществовал до 1859 г.¹²

Границы рассмотренных «пространственно-правовых аномалий» всегда строго соответствуют границам одного или нескольких административно-территориальных образований. Более того, например, ч. 2 ст. 5 Закона о зонах территориального развития в Российской Федерации запрещает размещение одной зоны территориального развития на территории нескольких субъектов РФ.

Таким образом, справедливо признать, что именно институт *границы* (государственной или административной) является одним из ключевых в контексте постижения институциональной основы формирования правового пространства. Представителями Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ данная проблематика уже затрагивалась¹³. Их выводы и предложения представляются более чем

ценными и в значительной степени разделяются авторами настоящей статьи.

В контексте заявленной темы представляется необходимым сделать ряд уточнений. Во-первых, понятие границы в первую очередь связывается со спорами и конфликтами, в то же время необходимо для организации взаимодействия, поскольку границы, с одной стороны, служат барьером, с другой — могут быть открыты для сотрудничества граждан и организаций. С помощью границ отражаются разные векторы правового регулирования на международном, наднациональном, национальном, транснациональном и субнациональном уровнях. Во-вторых, общепризнанность концепции суверенитета и распространенность такой модели государства, как суверенное национальное государство, обусловили основной акцент в рамках данной проблематики на государственной границе. Вместе с тем сохраняются пространственно-правовые аномалии (экстерриториальные режимы), обусловленные существованием диаспор¹⁴, возникли новые — в результате заключения международных договоров (например, упомянутый выше Парижский трактат по Шпицбергену) либо как выражение воли национального государства на транснациональное действие чужого права на части своей территории¹⁵. В-третьих, на субнациональном уровне ключевое значение имеют административные границы субъектов федераций (штатов, земель) и муниципальных образований (общин).

¹¹ См., например: *Городилов А. А., Го-мин А. П., Каргаполов С. Г., Куликов А. В.* XXI в.: Свободная зона и особый статус / под ред. *Е. Чирковой*. Калининград, 2001. С. 15—17.

¹² См., например: *Кузьменко В. П., Кузнецова Л. И.* Свободные экономические зоны: мифы и реальность // *Экономика предприятия*. 1999. № 2—3. С. 24—34.

¹³ См.: *Правовое пространство: границы и динамика: монография* / отв. ред. *Ю. А. Тихомиров*. М., 2019. 240 с.

¹⁴ См., например: *Элон М.* Еврейское право / под общ. ред. *Ю. И. Козлихина*; науч. ред.: *М. Левинов, И. Менделевич*; пер. с иврита *А. Белова*. СПб., 2002. 611 с.

¹⁵ В январе 2018 г. Международный финансовый центр «Астана» официально заявил о начале своей работы. В его рамках Казахстан впервые на постсоветском пространстве ввел специальную юрисдикцию, основанную на принципах английского коммерческого права.

Как отмечалось выше, в Российской Федерации административные границы имеют принципиальное значение, и ни одна существующая институция не нарушает их. Такая практика, конечно, на формально-юридическом уровне не противоречит ч. 3 ст. 4 и ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, однако как минимум может послужить причиной возникновения «удельной системы», а как максимум способствовать распаду Российской Федерации или выделению из нее отдельных территорий по соответствующим административным границам. Центробежные тенденции могут быть усилены даже образованием федеральных округов. Не случайно в этом году Российская академия наук (Сибирское отделение) провела исследование, в рамках которого рассчитала сценарий распада единого экономического пространства России на автономные образования именно по их границам¹⁶. Подчеркнем, что такой сценарий становится возможным исключительно в случае утраты политического единства.

В современных условиях базовыми центристскими факторами в Российской Федерации выступают (1) финансовая политика федеральной власти, предполагающая перераспределение доходов консолидированного бюджета Российской Федерации в пользу федерального бюджета, (2) концентрация (формально-юридическая) крупнейших хозяйствующих субъектов в Москве и частично в Санкт-Петербурге. Как правило, в федеративных государствах доля доходов федерального бюджета в доходах консолидированного бюджета составляет 45—55%. Именно такое соотношение существовало до начала текущего века в России. В настоящее время данный показатель составляет

около 70%¹⁷, что свидетельствует о перераспределении ВВП между российскими регионами через федеральный бюджет. По данным Федеральной налоговой службы (регистрационный орган) в Российской Федерации по состоянию на 1 декабря 2019 г. зарегистрировано более 3 млн коммерческих организаций (всего юридических лиц более 3,7 млн). Из них более 800 тыс. приходится на Москву¹⁸.

Такой подход на определенном временном отрезке (весьма не продолжительном — около 10—20 лет), конечно, будет иметь положительный эффект, но в длительной перспективе, препятствуя самостоятельному экономическому развитию регионов, может послужить обратной цели, поскольку составит мотивационную основу центробежных процессов. Реальные предпосылки такого «квантового скачка» в настоящее время не очевидны. Вместе с тем отрицательный потенциал в общественном сознании регионов продолжает накапливаться.

Рассматривая возможность центробежного сценария развития российской государственности, необходимо обратить внимание на то, что субъекты РФ — это главным образом автономные республики, края, области и автономные округа РСФСР. Специфика же административно-территориального деления в СССР состояла в том, что каждая из названных территорий была максимально автономна по своему эко-

¹⁷ См.: Ежегодная информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации (с 2006 по 2018 годы). URL: https://www.minfin.ru/common/module_router.php?page_id=3956&area_id=65&id_65=93449 (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁸ См.: Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 1 декабря 2019 г. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (дата обращения: 09.12.2019).

¹⁶ См.: Экономических оснований для развала СССР не было: интервью с В. Суловым / интервьюировал А. Сабов // Огонек. 2019. № 47. С. 16.

номическому потенциалу. Не случайно Тюменская область (включая Ханты-Мансийский автономный округ — Югру и Ямало-Ненецкий автономный округ) протянулась от Северного Ледовитого океана до казахских степей, разделив Российскую Федерацию на две несоприкасающиеся иначе части. Данное обстоятельство, с учетом того что субъекты Федерации — это государственные образования, служит, пожалуй, основной угрозой быстрого развития центробежного сценария при неблагоприятных для Российской Федерации обстоятельствах.

Ситуация на Северном Кавказе в очередной раз свидетельствует о недостаточном благополучии в вопросе установления региональных границ. Летом — осенью 2018 г. перешли в острую фазу территориальные разногласия между Чечней и Ингушетией по поводу принадлежности отдельных земель Малгобекского и Сунженского районов последней. Указанный спор ведется еще с 1920-х гг. и связан с несостоятельностью проекта «Горской республики» (Горской АССР), не сумевшего объединить народы Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Его обострение было обусловлено передачей части спорных территорий из состава Ингушетии Чечне.

Центростремительные процессы в Российской Федерации могут быть стимулированы через внедрение новых подходов в построении институциональной основы установления правового пространства. Необходимы новые институты, обеспечивающие, с одной стороны, равномерное поступательное экономическое развитие российских регионов, а с другой — единство политического пространства на основе всесторонней экономической интеграции, при необходимости с включением в интеграционные процессы прилегающих территорий, как относящихся к государствам — участникам ЕАЭС, так и иных. Суть таких институций

состоит в том, что они не просто игнорируют существующие административные границы, в их рамках происходит осознанное установление интеграционных связей через такие границы в целях создания экономической заинтересованности в трансграничном сотрудничестве российских регионов и муниципалитетов.

Историческими предшественниками таких институций, по нашему мнению, являются *торговые компании*, существовавшие в Европе в XVII — XIX вв. (в первую очередь Ост-индские), и *советы народного хозяйства* (совнархозы), действовавшие в первые годы советской власти. Первые служат примером установления трансграничной юрисдикции в целях обеспечения наиболее эффективных экономических связей, вторые — примером стимулирования внутренней интеграции на основе государственного регулирования. Каждая из названных организационно-правовых форм имеет достоинства и недостатки, каждая способствовала достижению существенных результатов, но по истечении отпущенного ей срока была отвергнута как не соответствующая изменившимся общественным отношениям.

Ост-индские компании образовывались в наиболее развитых европейских странах (Великобритании, Нидерландах, Франции) как частные (акционерные) общества, обладавшие монопольным правом торговли со странами Востока, прежде всего Индией и Индокитаем. Обладая собственными флотом, вооруженными силами и даже судами, они обеспечили колонизацию этих стран и интенсивную экономическую эксплуатацию местного населения. Не случайно К. Маркс писал о Британской Ост-Индской компании: «Сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII в., приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой экс-

плуатации страны и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию»¹⁹.

Идея создания таких компаний возникла не на пустом месте. Их смело можно считать «наследниками» генуэзских маонов — ассоциаций с военно-властными функциями, образовывавшихся в целях получения прибыли от завоевания заморских территорий²⁰. Их следы остались и на территории современной России — Генуэзская крепость в Судак. Они являются продолжением традиции, заложенной еще во времена финикийской и греческой колонизации Средиземноморья.

Наиболее известна Британская Ост-Индская компания (EIC). Она была образована в 1600 г. хартией Елизаветы I, в которой ей даровалось право даже издавать собственные законы, необходимые и подходящие для хорошего управления²¹. В 1657 г. была преобразована в акционерное общество с постоянным капиталом. Первая торговая фактория Компанией была заложена в 1611 г. К концу XVIII в. был обеспечен контроль над территорией современной Индии, Пакистана и Бангладеш — Британской Индии. Однако на этот период приходятся серьезные финансовые затруднения, позволившие взять деятельность Компании под контроль королевского правительства. В XIX в. Компания специализируется на ведении военных действий с местными народами и взимании с них налогов. В 1813 г. ею утрачена монополия на торговлю, а с 1833 г. прекращена торговая деятельность вообще. В 1858 г. административные функции по управлению Британ-

ской Индией переходят в непосредственное ведение Короны. Британская Ост-Индская компания ликвидируется в 1874 г.²²

Нидерландская Ост-Индская компания была создана на два года позже своей английской конкурентки сразу в форме акционерного общества. Сферой ее деятельности стали земли современных Индонезии и Малайзии, Индокитая и Цейлона, а также Африканский континент. Компания имела не только монопольное право на торговлю колониальными товарами, но также собственные вооруженные силы, флот, суд и налоговые органы. Ее наибольшая территориальная экспансия приходится на вторую половину XVII в. В XVIII в. Нидерландская Ост-Индская компания не выдержала конкуренцию с англичанами. В 1798 г. она была ликвидирована, а подконтрольные ей земли после окончания наполеоновских войн перешли в ведение нидерландского правительства²³.

Французская Ост-Индская компания была образована в 1664 г. Ее главная база находилась в Бенгалии. Так же, как и ее коллеги-конкуренты, она имела собственные флот и армию, отправляла судопроизводство на подконтрольной территории, устанавливала и взимала налоги, чеканила собственную монету. Однако поражение Франции в Семилетней войне и Великая Французская революция привели Компанию к ликвидации в конце XVIII в.²⁴

Аналогичные компании образовывались и другими странами (Данией, Австрийскими Нидерландами, Швецией, Пруссией и др.). Англия и

¹⁹ Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М., 1956. С. 157.

²⁰ См., например: Зомбарт В. Избранные работы. Пер. с нем. М., 2005. С. 109.

²¹ См., например: Keith A. B. A Constitutional History of India, 1600—1935. L., 1937. P. 4.

²² См., например: Фурсов К. А. Державакупец: Отношения Английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006.

²³ См., например: Morineau M. Les Grandes Compagnies des Indes orientales. 2 ed. P., 1999. 128 p.; Haudrere Ph., Le Bouedec G., Mezin L. Les Compagnies des Indes. Rennes, 2010. 311 p.

²⁴ Ibid.

Франция использовали данную организационно-правовую форму для колонизации Северной Америки, островов Карибского моря и других территорий. Но именно ост-индские компании были наиболее успешными, обеспечив развитие международной торговли и судоходства, а также нещадную эксплуатацию народов бассейна Индийского океана.

В России аналогом рассмотренных выше торговых компаний можно считать Российско-Американскую компанию. Она была образована в 1799 г. и формально существовала до 1881 г., а последние дивиденды ее акционерам были выплачены в 1888 г. Но фактически после продажи Аляски в 1867 г. ее деятельность была прекращена. Компания осуществляла деятельность главным образом на Аляске. Однако в сферу ее интересов входили также тихоокеанское побережье Калифорнии, Курильские и Гавайские острова. Как и для европейских компаний данного типа, основу деятельности Российско-Американской компании составляла монополия на торговлю. При этом она была тесно связана с российским военно-морским флотом, представители которого, как правило, в чине капитанов первого или второго рангов преобладали в числе главных управляющих российскими колониями в Америке²⁵.

Несомненными достоинствами рассмотренной организационно-правовой формы является ее ориентированность на результат и отсутствие строгих пространственных пределов функционирования. Вместе с тем в современных условиях недопустимыми представляются ее коммерческая основа в сочетании с наличием властных полномочий вплоть до права иметь собственные вооруженные силы, устанавливать и собирать налоги, осуществлять денежную эмиссию, отправлять судо-

производство. Английское государство в конце XVIII в. весьма отрицательно относилось к своему «подведомственному конкуренту» — ЕИС, стремясь взять его под контроль и ограничить властную компетенцию.

Отечественная история имеет и другой пример успешной институции, обеспечившей быструю хозяйственную интеграцию как отдельных территорий, так и в рамках всего Советского Союза. Речь идет о советах народного хозяйства (совнархозах). Первый совнархоз (Высший совет народного хозяйства при Совете народных комиссаров) был образован уже в декабре 1917 г. и находился в двойном подчинении ВЦИК и СНК РСФСР. В дальнейшем совнархозы стали образовываться и на местах. Их создание позволило выделить функцию экономического развития и организации хозяйственной деятельности. Они стали если не самостоятельными, то более чем автономными звеньями государственного управления. Благодаря этому достаточно быстро были преодолены негативные последствия Гражданской войны и созданы новые формы управления народным хозяйством. Вместе с тем на определенном этапе территориальная ограниченность их деятельности стала препятствием ускороной индустриализации советской экономики, и им на смену пришли отраслевые наркоматы (министерства)²⁶. На рубеже 1950—1960-х гг. была предпринята попытка возродить систему совнархозов. Однако в новых условиях она не увенчалась успехом.

В современной России несколько раз предпринимались попытки создания описываемых институций, призванных обеспечить межрегиональную экономическую интеграцию. Из не достигших этапа реализации, остававшихся на уровне планов, в первую очередь следует

²⁵ См.: История Русской Америки (1732—1867): в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1997.

²⁶ См., например: Самохвалов Ф. В. Советы народного хозяйства в 1917—1932 годах. М., 1964. 154 с.

назвать многочисленные проекты развития Арктики, а из перешедших к реализации — проект «Урал промышленный — Урал полярный» и созданное для его продвижения Акционерное общество «Корпорация развития». Представляется, что главное препятствие успешности названных и многих иных проектов регионального развития состоит в противоречии формы и содержания. Традиционно оператор проекта создавался в форме коммерческой организации — акционерного общества, что изначально не способствовало решению поставленных задач в силу их отличия от получения прибыли.

Более обоснованным представляется внедрение институтов регионального развития, создаваемых в качестве государственных органов, имеющих трансграничную компетенцию и функционирующих на комиссионной основе. Функционирование таких органов должно предполагать делегирование им полномочий федеральных и региональных органов государственной власти, а также органов местного самоуправления, учет интересов бизнес-сообщества и контроль со стороны гражданского общества. Именно комиссионная основа позволяет обеспечить сочетание указанных факторов.

Территориально сфера ответственности рассматриваемых государственных органов не должна соответствовать границам конкретных субъектов РФ. В основе установления пространственных пределов их компетенции должны лежать сложившиеся хозяйственные связи и хозяйственные связи, возникновение которых отражает интеграционные процессы, стимулируемые в интересах Российской Федерации.

Функционально предлагаемые институты должны сочетать проектный характер и территориально-отраслевую природу, способствуя развитию отдельных направлений хозяйствования в местах, наиболее приспособленных для этого. Напри-

мер, в арктической зоне целесообразно развитие Северного морского пути и добыча полезных ископаемых. Однако при этом должны быть сохранены традиционный хозяйственный уклад малых народов Севера и экология региона. Урал и Сибирь нуждаются в восстановлении промышленного потенциала и развитии новых производств, Дальний Восток — в формировании инфраструктуры. Для ряда регионов актуальным представляется развитие сельского хозяйства и туризма. Причем необходимая для этого инфраструктура очевидно выходит за границы не только отдельных муниципальных образований, но и субъектов РФ.

Предусмотренные действующим законодательством организационно-правовые формы стимулирования экономического развития на местах (особые экономические зоны, зоны территориального развития и территории опережающего социально-экономического развития) не подходят для решения данных задач хотя бы в силу своей пространственной ограниченности пределами отдельных муниципальных образований. Возможно, для отдельных европейских стран такие масштабы допустимы. Но Россия — не Бельгия и даже не Франция. Ее территория не позволяет мыслить в пределах отдельного муниципалитета, хозяйственные связи должны устанавливаться между ними и выходить за пределы субъектов РФ. Для Европы понятие региона включает несколько стран. В России некоторые субъекты Федерации больше этих регионов. При этом недопустимым должно считаться ограничение социально-экономической интеграции только рамками одного края или области. Подлинное развитие российских регионов возможно исключительно на основе установления трансубъектных (в смысле субъектов РФ) хозяйственных связей.

Необходимо иметь в виду, что серьезным образом влияет на един-

ство российского правового пространства процесс глобализации и регионализации. В наши дни они базируются на концепте «открытого общества», основу которого составляет международная торговля, влекущая размывание национальных правовых пространств²⁷, возрождение казалось бы давно забытой идеи “*Lex mercatoria*” (от лат. «обычное торговое право»)²⁸. Отсутствие реальных транссубъектных связей может повлечь включение приграничных территорий в зоны влияния иностранных государств и транснациональных корпораций. Фактически если такой процесс получит развитие, то начнется «крошение» правового пространства Российской Федерации. Отдельные муниципалитеты, а может быть, и регионы, не отделяясь от России де-юре, окажутся де-факто в другом правовом пространстве, на их территории будут преобладать законы других государств или торговые обычаи.

Подчеркнем, что данная угроза не является специфически российским феноменом. В условиях глобализации и регионализации с ней сталкиваются практически все страны мира. Не являются исключением ни США, ни Западная Европа, ни Китай. Некоторые зарубежные исследователи обозначают ее как фрагментацию права²⁹, отмечая, что национальное законодательство становится «замком из песка», подмываемым наднациональ-

ным или транснациональным регулированием³⁰.

Правовая фрагментация приобретает причудливые формы суб-, пара-, мета- и квазиправовых инструментов, не известных юристам прошлого. Правопорядок становится своего рода строительной площадкой, руководство которой осуществляется несколькими архитекторами, расположившимися на международном, наднациональном, транснациональном, национальном и субнациональном уровнях³¹. Данная ситуация может стимулировать правовой хаос, при котором правовые нормы, исходящие от различных регуляторов, будут дублировать друг друга, достаточно своеобразным образом взаимодействовать между собой, всплывать на самых неожиданных уровнях, в результате чего будут появляться практически неразрешимые коллизии. Если в эпоху национальных государств право имело закрытую организацию и локальную природу, при этом взаимодействие между отдельными локальными правовыми системами осуществлялось при помощи весьма ограниченного инструментария международного частного и международного публичного права, то с ее возможным окончанием необходим поиск нового инструментария, обеспечивающего предсказуемость правового пространства.

Следует обратить внимание на определенное размежевание политико-правовых воззрений на рассматриваемую проблематику, установившееся между западными исследователями и представителями Китая. Для первых приведенные тенденции являются если не благом, то неизбежностью, а последние осознают в них угрозу, которой

²⁷ См., например: Базедов Ю. Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права. М., 2016.

²⁸ См., например: Мажорина М. В. *Lex mercatoria*: средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 4—19.

²⁹ См.: Smits J. The Complexity of Transnational Law: Coherence and Fragmentation of Private Law. URL: <https://www.ejcl.org/143/art143-14.pdf> / (дата обращения: 09.12.2019).

³⁰ См.: Boom W. van. Algemene en bijzondere regelingen in het vermogensrecht // *Rechtsgeleerd Magazijn Themis*. 2003. Vol. 164. P. 299.

³¹ См.: Roth W. Detail vergessenheit // *Juristenzeitung*. 2001. P. 488.

необходимо противостоять. Так, по словам Чжоу Ичжи, в мире сложилась очень опасная ситуация, в рамках которой некие могущественные государства и транснациональные компании под лозунгами глобализации и регионализации изо всех сил пытаются внедрить в общественное сознание идеи исчезновения государственных границ, ликвидации государственного суверенитета, что безусловно ослабит позиции суверенных государств в решении внутренних и международных проблем, повлечет гегемонию неких сил под лозунгами формального равенства и, как следствие, их необоснованную выгоду. Далее автор прямо указывает на эти силы — США и американские транснациональные корпорации, стремящиеся к созданию глобального правового пространства на основе американского правопорядка (юрисдикции) за счет ущемления суверенитета других государств³². По мнению представителей КНР, никакие цели международной экономической интеграции, которые ими бесспорно признаются и к достижению которых они стремятся³³, не могут обосновать ли-

квидацию или малейшее ущемление суверенитета национальных государств; без сильных суверенных национальных государств, поддерживающих рыночные отношения, невозможно поступательное экономическое развитие всего человечества.

Россия, будучи не просто национальным государством, а выступая исторически сложившейся сложнейшей институцией, обеспечивающей взаимодействие сотен народов на основе общего хозяйственного уклада, русского языка и общих социальных ценностей, нуждается в новых подходах к построению, устройству своего правового пространства. Вероятно, пришло время частично отказаться от строго иерархичных систем в пользу гибких связей. Они, будучи «наложенными» на традиционные субъекты РФ и муниципальные образования, переплетенные между собой, позволяют организовать правовое пространство Российской Федерации таким образом, что даже самые неблагоприятные обстоятельства не смогут запустить реализацию центробежных сценариев, обеспечат единство российского общества и его способность консолидированно участвовать в международном экономическом и правовом сотрудничестве.

³² См.: Чжоу Ичжи. Принцип суверенитета государств и отношения сотрудничества между гражданами и правительством в ходе глобализации // Политологические исследования. 2001. № 3. С. 42—43.

³³ См., например: Буров В. Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобали-

зации // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 55—57.

Библиографический список

- Boom W. van. Algemene en bijzondere regelingen in het vermogensrech // Rechtsgeleerd Magazijn Themis. 2003. Vol. 164.
- Haudrere Ph., Le Bouedec G., Mezin L. Les Compagnies des Indes. Rennes, 2010.
- Keith A. B. A Constitutional History of India, 1600—1935. L., 1937.
- Morineau M. Les Grandes Compagnies des Indes orientales. 2 ed. P., 1999.
- Roth W. Detail vergessenheit // Juristenzeitung. 2001.
- Smits J. The Complexity of Transnational Law: Coherence and Fragmentation of Private Law. URL: <https://www.ejcl.org/143/art143-14.pdf/> (дата обращения: 09.12.2019).
- Базедов Ю. Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права. М., 2016.
- Буров В. Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005.
- Власова Н. В., Грачева С. А., Мещерякова М. А. Правовое пространство и человек. М., 2012.

- Городилов А. А., Гомин А. П., Каргаполов С. Г., Куликов А. В. XXI в.: Свободная зона и особый статус / под ред. Е. Чирковой. Калининград, 2001.
- Зомбарт В. Избранные работы. Пер. с нем. М., 2005.
- История Русской Америки (1732—1867): в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1997.
- Кузьменко В. П., Кузнецова Л. И. Свободные экономические зоны: мифы и реальность // Экономика предприятия. 1999. № 2—3.
- Мажорина М. В. Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1.
- Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М., 1956.
- Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2019.
- Самохвалов Ф. В. Советы народного хозяйства в 1917—1932 годах. М., 1964.
- Спиридонова В. И. Глобализация и национальное государство // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005.
- Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4.
- Фурсов К. А. Держава-купец: Отношения Английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006.
- Чжоу Ичжи. Принцип суверенитета государств и отношения сотрудничества между гражданами и правительством в ходе глобализации // Политологические исследования. 2001. № 3.
- Экономических оснований для развала СССР не было: интервью с В. Сусловым / интервьюировал А. Сабов // Огонек. 2019. № 47.
- Элон М. Еврейское право / под общ. ред. Ю. И. Козлихина; науч. ред.: М. Левинов, И. Менделевич; пер. с иврита А. Белова. СПб., 2002.

References

- Bazedov Yu. Pravo otkrytykh obshchestv — chastnoe i gosudarstvennoe regulirovanie mezhdunarodnykh otnosheniy: obshchiy kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Moscow, 2016.
- Boom W. van. Algemene en bijzondere regelingen in het vermogensrech. *Rechtsgeleerd Magazijn Themis*, 2003, vol. 164.
- Burov V. G. Kitayskiy vzglyad na gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii. *Sud'ba gosudarstva v epokhu globalizatsii*. Moscow, 2005.
- Chzhou Ichzhi. Printsip suvereniteta gosudarstv i otnosheniya sotrudnichestva mezhdugrazhdanami i pravitel'stvom v khode globalizatsii. *Politologicheskije issledovaniya*, 2001, no. 3.
- Ekonomicheskikh osnovaniy dlya razvala SSSR ne bylo: interv'yu s V. Suslovym. *Ogonek*, 2019, no. 47.
- Elon M. Evreyskoe pravo. Ed. by Yu. I. Kozlikhin, M. Levinov, I. Mendelevich. St. Petersburg, 2002.
- Fursov K. A. Derzhava-kupets: Otnosheniya Angliyskoy Ost-Indskoy kompanii s angliyskim gosudarstvom i indiyскими patrimoniyami. Moscow, 2006.
- Gorodilov A. A., Gomin A. P., Kargapolov S. G., Kulikov A. V. XXI vek: Svobodnaya zona i osoby status. Ed. by E. Chirkova. Kaliningrad, 2001.
- Haudrere Ph., Le Bouedec G., Mezin L. Les Compagnies des Indes. Rennes, 2010.
- Istoriya Russkoy Ameriki (1732—1867). Ed. by N. N. Bolkhovitinov. Moscow, 1997.
- Keith A. B. A Constitutional History of India, 1600—1935. London, 1937.
- Kuz'menko V. P., Kuznetsova L. I. Svobodnye ekonomicheskie zony: mify i real'nost'. *Ekonomika predpriyatiya*, 1999, no. 2—3.
- Marks K. Ost-Indskaya kompaniya, ee istoriya i rezul'taty ee deyatel'nosti. In Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. 2nd ed. Vol. 9. Moscow, 1956.
- Mazhorina M. V. Lex mercatoria: srednevekovyy mif ili fenomen globalizatsii? *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, no. 1.

- Morineau M. *Les Grandes Compagnies des Indes orientales*. 2nd ed. Paris, 1999.
- Pravovoe prostranstvo: granitsy i dinamika. Ed. by Yu. A. Tikhomirov. Moscow, 2019.
- Roth W. Detail vergessenheit. *Juristenzeitung*, 2001.
- Samokhvalov F. V. *Sovety narodnogo khozyaystva v 1917—1932 godakh*. Moscow, 1964.
- Smits J. The Complexity of Transnational Law: Coherence and Fragmentation of Private Law. Available at: <https://www.ejcl.org/143/art143-14.pdf/> (accessed 09.12.2019).
- Spiridonova V. I. Globalizatsiya i natsional'noe gosudarstvo. *Sud'ba gosudarstva v epokhu globalizatsii*. Moscow, 2005.
- Tikhomirov Yu. A. Pravovoe prostranstvo: ravnovesie i otkloneniya. *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, no. 4.
- Vlasova N. V., Gracheva S. A., Meshcheryakova M. A. *Pravovoe prostranstvo i chelovek*. Moscow, 2012.
- Zombart V. *Izbrannye raboty*. Moscow, 2005.
-
-